

ИЗОБРАЖЕНИЕ СЕМЬИ В РОМАНЕ «ОБЛОМОВ» И.А. ГОНЧАРОВА

Замир ТАРЛАНОВ
г. Петрозаводск

Семья, изображенная И. А. Гончаровым в романе «Обломов», географически связана с селом Верхлёво, расположенным «в благословенном уголке земли», в пяти верстах от Сосновки — «господской усадьбы и резиденции» некогда богатого помещика Обломова, «который никогда не показывался в свое имение: им заведовал управляющий из немцев».

Главный герой романа Илья Ильич Обломов, сын Ильи Ивановича Обломова, хорошо помнит все, что происходило вокруг него, и помнит себя с семи лет, как он «проснулся в своей маленькой постельке», как «ему легко и весело». Он был, по характеристике автора романа, «хорошеньким, красненьким, полным» (80)[1], все его любили и ласкали, неугомонно живого и шаловливого.

Мать, которая рано умерла, по утрам осыпала его «страстными поцелуями» и подводила к образу, подсказывая ему слова молитвы, а затем шли к отцу и чаю. За чайным столом обычно сидели разные пожилые родственницы отца и «еще какие-то старушки и старички», которые «подхватывали Илью, осыпая его ласками и похвалами, «он едва успевал утирать следы непрошенных поцелуев» (81). Затем его кормили разными булочками, сухариками, сливочками, после чего отпускали гулять с многочисленными запретами, куда нельзя было ходить и куда его нельзя было подпускать.

У любопытного и любознательного ребенка, каким был Обломов от природы, появлялось много вопросов обо всем, что видел вокруг и что вызывало у него живой интерес. Старая и неграмотная няня не знала, как отвечать на его вопросы. Другим обитателям дома Обломовых тоже не было дела до этих детских вопросов; все как бы были заняты неизвестно чем, но привычными для каждого из них ничтожными хлопотами.

В доме «главную заботу была кухня и обед. Об обеде совещались целым домом; и престарелая тетка приглашалась к совету». «Забота о пище была первая и главная жизненная забота в Обломовке» (84). Все обитатели дома отдавали этому все свои силы и энергию, подобно «трудолюбивым муравьям», не исключая воскресных и праздничных дней.

«А ребенок все смотрел и все наблюдал своим детским, ничего не пропускающим умом. Он видел, как после полезно и хлопотливо проведенного утра настаивал полдень и обед» (84). После обеда наступало мертвое сонное царство, все пространство дома оглашалось «разнообразным храпением на все тоны и лады», раздававшимся «из всех углов». «А ребенок все наблюдал и наблюдал».

Он с нетерпением ждал того момента, когда после обеда заснет и старуха-няня, чтобы начать свою активную самостоятельную ребячью жизнь. Он на цыпочках убежал от няни. «Он был как будто один в целом мире» (85).

Наступал вечер, «на кухне опять трещит огонь, опять раздаётся дробный стук ножей: готовится ужин». Так изо дня в день, однообразно, уныло и тоскливо.

Противопоставлением живого, пытливого, по-детски интересующегося всем, познавательно нацеленного Илюши Обломова его интеллектуально и деятельно инертному домашнему окружению И. А. Гончаров последовательно и убедительно намечает исходные причины жизненной трагедии Обломова. Это противопоставление подчеркивается рефреном «А ребенок все смотрел и все наблюдал», что как бы возвышает ребенка над средой.

Еще хуже было ребенку Илье в бесконечные зимние вечера, когда няня после рассказов о русских былинных богатырях «с простотою и добродушием Гомера <...> влагала в детскую память и воображение Илиаду русской жизни, созданную нашими

гомеридами тех туманных времен, когда человек еще не ладил с опасностями и тайнами природы и жизни, когда он трепетал и перед оборотнем, и перед лешим» (89), жизнь заполнена была суевериями и страхом, верили, что смерть приключается от «вынесенного перед тем из дома покойника головой, а не ногами из ворот; пожар — от того, что собака выла три ночи под окном» (89); верили, что по ночам мертвецы встают из могил.

О смысле и назначении жизни не задумывались. В Обломовке жили и думали, как заведено было много лет назад, жили и думали, как деды и прадеды. Илье Ильичу уже четырнадцать лет, он учится в селе Верхлёве, верстах в пяти от Обломовки, у тамошнего управляющего, немца Штольца, а в Обломовке все то же и так же, как в его раннем детстве.

Он в то же время осознал, что ему открылись три главных акта жизни — родины, свадьба, похороны, за которыми тянулась «пестрая процессия веселых и печальных подразделений ее: крестин, именин, семейных праздников, заговенья, разговенья, шумных обедов, родственных съездов, приветствий, поздравлений, официальных слез и улыбок» (93).

И через много лет длинные зимние вечера проходили у обломовцев так же, как тогда, когда Илье Ильичу было семь лет. Иногда по какому-то пустяковому поводу завязывался ни о чем не говорящий оживленный разговор или такой же пустяк (например, как Лука Савич упал с салазок), который вызывал бурное обсуждение и всеобщий хохот, но, как правило, «между собеседниками по большей части царствовало глубокое молчание» (97).

Илюша учился плохо, часто не посещал занятий, предпочитая оставаться дома, потому что его не тянуло к ученью, хотя пословица «Ученье — свет, а неученье — тьма» в отличие от времен Простаковых и Скотининых «бродила уже по селам и деревням вместе с книгами, развозимыми букинистами» (106). «И нежные родители продолжали приискивать предлоги удерживать сына дома» (105). Зимой даже выскочить в сени или открыть форточку ему не позволялось, хотя ему было четырнадцать лет. «И Илюша с печалью оставался дома, лелеемый как экзотический цветок в теплице, и так же, как последний под стеклом, он рос медленно и вяло. Ищущие проявления силы обра-

щались внутрь и никли, увядая» (107). Но так было не всегда. «А иногда он проснется такой бодрый, свежий, веселый; он чувствует: в нем играет что-то, кипит, точно поселился бесенок какой-нибудь, который так и поддразнивает его то влезть на крышу, то сесть на савраску да поскакать в луга, где сено косят, или посидеть на заборе верхом, или поддразнить деревенских собак; или вдруг захочется пуститься бегом по деревне, потом в поле, по буеракам, в березняк, да в три скачка броситься на дно оврага или увязаться за мальчишками и играть в снежки, попробовать свои силы» (107). Так что «совершенная инертность, происходящая от его апатии ко всему, что делается на свете»[2], как считал Н. А. Добролюбов, не была природным, врожденным качеством характера Обломова. Это было результатом семейного воспитания прежде всего, начисто лишеного опоры на труд и тем самым стимула для развития, что отмечалось и критикой, и исследователями не раз: «Вся обстановка, в которой живет Обломов, показывает, как естественно и как неизбежно при известных исторических условиях вырабатывался класс людей, у которых сознание шло глубоко вразрез с импульсами волевого начала, остававшегося еще в зачаточном состоянии»[3].

В семье, в которой рос Илья Ильич, ни в чем не проявлялась та атмосфера, которая называется духовной, интеллектуальной и которая призвана мотивировать интерес ее членов к развитию, образованию, совершенствованию. Отец Обломова Илья Иванович считал чтение книги ненужной роскошью, «таким делом, без которого легко и обойтись можно, так точно, как можно иметь картину на стене, можно и не иметь, можно пойти прогуляться, можно и не пойти» (104). В старопомещичьей среде, к которой относился и Илья Иванович, считали, что книги пишут для того, чтобы «у нашего брата, дворянина, деньги выманывать» (104). Тем не менее в этой косной среде Илья Ильич Обломов в молодости выделялся уже другим, новым отношением к книге, стараясь «очистить вкус» двух своих сестер, предлагая им читать Руссо, Шиллера, Гете, Байрона вместо пустых романов Коттень[4], Жанлис[5] (139).

Одна из важнейших задач семьи в домашнем воспитании детей в принципе — это, как известно, подготовка ребенка к общественно осознанной социальной жизни, помочь ему выработать харак-

тер, который, как считал великий русский педагог К. Д. Ушинский, у «каждого человека слагается всегда из двух элементов: природного, коренящегося в телесном организме человека, и духовного, вырабатывающегося в жизни, под влиянием воспитания и обстоятельств. Оба эти элемента не остаются между собой изолированными (это было бы бесхарактерностью), но взаимно действуют друг на друга, и из этого взаимного воздействия прирожденных наклонностей и приобретаемых в жизни убеждений и привычек возникает характер. Само убеждение тогда только делается элементом характера, когда переходит в привычку. Привычка именно и есть тот процесс, посредством которого убеждение делается наклонностью и мысль переходит в дело»[6].

У Обломова практически не было того самого духовного элемента, сформированного семейным воспитанием, который необходимо участвует, согласно К. Д. Ушинскому, в выработке характера. Это и есть причина его апатии и безразличия к жизни, причина его трагедии. Именно в результате отсутствия необходимого семейного воспитания Обломов становится ленивым и апатичным.

«Дворянин родом, коллежский секретарь чинном», Обломов живет в Петербурге двенадцать лет, «сначала, при жизни родителей, потеснее <...>, в двух комнатах <...>, но по смерти отца и матери он стал единственным обладателем трехсот пятидесяти душ», что позволило ему жить на достаточно широкую ногу (41). Он был молод и «полон разных стремлений, все чего-то надеялся, ждал многого и от судьбы, и от самого себя» (41). Годы шли, ему «стукнуло тридцать лет», «а он ни на шаг не продвинулся ни на каком поприще», к тому же вынужденно пришлось покинуть и службу до получения чина из-за того, что по невнимательности «отправил однажды какую-то нужную бумагу вместо Астрахани в Архангельск»(41).

Ему не чужды были и высокие стремления и помыслы, он искренне переживал за бедствия человечества, исполнен был презрения к людскому пороку, ко лжи, к клевете, «к разлитому в мире злу» (50). Это было вполне органично для Обломова, в основании натуры которого, по характеристике И.А.Гончарова, «лежало чистое, светлое и доброе начало, исполненное глубокой симпатии ко всему, что хорошо и что только отверзалось и отклика-

лось на зов этого простого, нехитрого, вечно доверчивого сердца» (125 — 126).

Как это видно из разговора с Андреем Штольцем, Обломов не видит смысла в петербургской жизни, которая представляет собою «вечную бегодную взапуски, вечную игру дрянных страстишек». <...> Скука, скука, скука! <...> — Свет, общество! <...> Чего там иснать? интересов ума, сердца? Ты посмотри, где центр, около которого вращается все это: нет его, нет ничего глубокого, задевающего за живое. Все это мертвецы, спящие люди, хуже меня, эти члены света и общества! Что водит их в жизни? Вот они не лежат, а снуют каждый день, как мухи, взад и вперед, а что толку? (132) <...> — А наша лучшая молодежь, что она делает? Разве не спит, ходя, разъезжая по Невскому, танцует? Ежедневная пустая перетасовка дней!» (132).

Мечта Обломова — это тихая деревенская жизнь с ясным чистым небом, с цветами и садом, с плещущей речкой, с полем, с колосьями, волнующимися от ветра. Он считает себя поэтом жизни, потому что, по его оценке, «жизнь — это поэзия» (136). Эта жизнь, как поэзия, раскрывается Обломовым в том же разговоре со Штольцем в подробном, ярком описании красоты деревенской жизни с ее разнообразием природы, с людьми, работающими на этой природе, с деревенской кухней, ягодами, грибами, с гостями, разместившимися по флигелям и павильонам, тут и его любимая музыка *Gasta diva*[7]» (137), которую запел Обломов и в которой, как он выражается, «выплакивает сердце женщины» (137).

Андрею Штольцу, другу Обломова, не нравится такая жизнь, он заявляет, что это не жизнь, а «какая-то... обломовщина» (137). «О-бло-мовщина! — медленно произнес Илья Ильич, удивляясь этому странному слову и разбирая его по складам. — Об-ло-мов-щина!» Медленно произнес это слово, Обломов «странно и пристально глядел на Штольца» (138), и в этом его «*странном и пристальном* (курсив мой. — З.Т.)» взгляде выражено невысказанное недоверие к другу, который все окружающее называет обломовщиной, представляющей собой, как кажется Обломову, чуждый ему (Штольцу) мир, чужой мир. Об этом свидетельствует и вопрос Обломова, адресованный Штольцу: «Где же идеал жизни по-твоему? Что же не обломовщина?» (138).

Обломовщиной Штольц называет не только тихую деревенскую жизнь, о которой мечтает Обломов и которая для него является идеалом («деревенская обломовщина»), но и жизнь в Петербурге — «Петербургская обломовщина» (139).

«Одно слово, — думал Илья Ильич, — а какое ядовитое!...» (142). Из этой реплики видно, что в социальном плане Илья Ильич не приемлет понятия «обломовщина». В его представлении это чисто бытовое понятие, выражающее грязь, нечистоплотность. «Куда ты? — обращается он к Захару. — Возьми да смети (пыль, паутину. — З.Т.): здесь сесть нельзя, ни облокотиться... Ведь это гадость, это... обломовщина!» (162). В восприятии же Захара то же слово является «жалким» и ругательным: «Вона! — подумал он, — еще выдумал какое-то жалкое слово! А знакомое!» (162). Заметим попутно, что для пятидесятипятилетнего Захара как языковой личности слово «жалкий» значит «склоняющийся к грусти, печали; ничтожный, презрительный, упавший, плохой»[8]. Поэтому Захар «блаженствовал», когда от барина не слышал «жалких слов», показывавших его недовольство (163). Это прекрасная иллюстрация писателем того, как одно и то же слово может выражать разные значения в восприятии разных людей в зависимости от их социального положения и степени общего развития: для Штольца *обломовщина* — это апатичность и отключенность от социальной активности, для Обломова — это выражение грязи, неаккуратности, нечистоплотности, для Захара — это просто жалкое и грубое слово, выражающее раздражение.

Что же касается образа жизни Штольца, связанного с постоянными разъездами по Европе и России и вечной его занятостью, неизменным его желанием трудиться, то все это, как думает Обломов, мотивировано одним — стремлением «удвоить капиталы» (139), с чем Штольц не соглашается, утверждая, что трудиться надо ради «самого труда», потому что «труд — это образ, содержание, стихия» жизни вообще и его жизни в частности.

Таким образом, *обломовщина* как тип жизни, не сопряженный с общественными интересами, чужда для Штольца, сформулировавшего это понятие, но без пояснения. Оно же не принимается и Обломовым, считающим себя не дельцом, подобно его другу, а поэтом жизни.

Андрей Штольц, «драчун и скандалист» в юношестве, рос совсем в другой среде, получая

совершенно другое, «трудовое, практическое воспитание» (117), которое его русской матери-дворянке «не совсем нравилось. Она боялась, что сын ее сделается таким же немецким бюргером, из каких вышел отец. На всю немецкую нацию она смотрела как на толпу патентованных мещан, не любила грубости, самостоятельности и кичливости, с какими немецкая масса предъявляет везде свои тысячелетием выработанные бюргерские права, как корова носит свои рога, не умея, кстати, их спрятать» (117). Она не замечала в немецком характере ни мягкости, ни деликатности, ни снисхождения, которые делают жизнь приятной. Она хотела, чтобы сын воспринимал жизнь объемно, «учила его прислушиваться к задумчивым звукам Герца[9], пела ему о цветах, о поэзии жизни, шептала о блестящем призвании то воина, то писателя, мечтала с ним о высокой роли, какая выпадает иным на долю...» (118). Из сказанного очевидно, что многие составляющие жизни в представлениях Обломова и матери Андрея Штольца, русской по национальности, совпадают. Речь идет, следовательно, о некоторых типологических чертах этнического типа жизни, изображенной образами Ильи Ильича Обломова, с одной стороны, и Андрея Штольца, немца по отцу, — с другой. В этом плане мать Штольца тоже должна считаться представителем не столько ее полурусской и полунемецкой семьи, сколько обломовщины с ее понятными и коренными типологическими проявлениями.

Совершенно другой тип жизни представляет собой Андрей Штолец, которого все окружающие «звали эгоистом, бесчувственным», который предстает в романе как некий лишенный души механизм, видящий «идеал бытия и стремления человека в строгом понимании и отправлении жизни» (124). Об этом говорит и автор романа, утверждая, что «образ Штольца бледен, не реален, не живой, а просто идея»[10]. Его, тем не менее, тянуло к Обломову, и ему нравилось «посидеть на широком диване» его, отведя и успокаивая «в ленивой беседе встревоженную или усталую душу» (126). Он, призывая Обломова к активности, напоминал ему о его замыслах в прошлом «служить, пока станет сил, России», которой «нужны руки и головы для разработки неистощимых источников; работать, чтоб слаще отдыхать, а отдыхать — значит жить дру-

гой, артистической, изящной стороной жизни, жизни художников, поэтов» (138).

Заключая пунктирный сопоставительный анализ образов Обломова и Штольца, заметим еще раз, что в образе Обломова сочетаются некоторые существенные особенности русского этно-психологического типа характера, на что обращали внимание многие критики романа И. А. Гончарова, что нашло свое подробное отражение в содержательной обзорно-аналитической статье профессора М. В. Отрадина[11]. Н. А. Добролюбов был совершенно справедлив, утверждая, что обусловленная в конечном счете крепостнической системой «привычка получать удовлетворение своих желаний не от собственных усилий, а от других, — развила в нем (в Обломове. — З.Т.) апатическую неподвижность и повергла его в жалкое состояние нравственного рабства»[12]. Он полностью лишен воли и самостоятельности: он «раб каждой женщины и каждого мошенника»[13].

Поскольку темой предлагаемой статьи является не столько образ Обломова, сколько изображение семьи в романе «Обломов», то напомним еще раз, что эта тема в нем раскрывается не только на примере семьи Обломовых, но и представлений о семье, связанных с поведением Агафьи Матвеевны Пшеницыной, вторым браком вышедшей замуж за Обломова, женщины доброй, отзывчивой, честной и ответственной, на примере семьи Андрея Штольца и Ольги, а также оценочных суждений матери Андрея с ее критическим отношением к немецкому типу семьи. И в целом роман демонстрирует, что в русской семье 50-60-х годов XIX века роль женщины становится доминирующей в противоположность старопомещичьему типу семьи, основанному на патриархальности и крепостничестве, и этот разворот отчетливо иллюстрируется на образе Ольги Сергеевны, предвещающем наступление новых времен в истории развития семьи и общества в России, выявляя в конечном счете общую тенденцию перестройки семейного уклада, но без утраты исторически складывавшихся глубинных его нравственных доминант, к числу которых относятся, в частности, семейная привязанность, честность, доброта и доброжелательность, отзывчивость, взаимоуважение, почитание старших и родителей, приверженность родным традициям, близость к природе и любовь к ней и др.

В скобках приводятся страницы по тексту:

[1] И.А.Гончаров. Обломов. Роман в четырех частях. М.: «Художественная литература», 1985.

[2] Добролюбов Н.А. Что такое Обломовщина? // Н.А.Добролюбов. Литературная критика. В 2 т. Том первый: Статьи 1856 — 1859 гг. Л.: Художественная литература, 1984. С. 345.

[3] Ляцкий Е.А. Иван Александрович Гончаров // История русской литературы XIX в. / Под редакцией Д.Н.Овсяннико-Куликовского при ближайшем участии А.Е.Грузинского и П.Н.Сакулина. В 4 т. Т. III. М.: Изд. Т-ва «МІР», 1910. С. 266.

[4] Коттень — французская писательница XIX в., изображавшая романтических барышень.

[5] Жанлис — французская писательница, автор сентиментальных романов, пользовавшихся популярностью в Европе XIX в.

[6] Ушинский К.Д. Собрание педагогических сочинений. Том первый, издание 5-е. Пг.: Типография М.Меркушева. 1916. С. 93.

[7] *Gasta diva* — пречистая дева (ит.) — примечание автора романа.

[8] Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Т. I. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1955. С. 525.

[9] Анри Герц (1802 — 1888) — французский пианист и композитор австрийского происхождения. Он, со слов профессора Е.З.Тарланова, усовершенствовал молоточки фортепьяно.

[10] Гончаров И.А. Лучше поздно, чем никогда // Роман И.А.Гончарова «Обломов» в русской критике. Сборник статей. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1991. С. 23.

[11] Отрадин М.В. «Обломов» в зеркале времени // Роман И.А.Гончарова «Обломов» в русской критике. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1991. С. 3 -19.

[12] Добролюбов Н.А. Указ. Соч. С. 349.

[13] Там же.

Замир Курбанович ТАРЛАНОВ

родился в 1936 г. в Дагестанской АССР.

Доктор филологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ и КАССР, заведующий кафедрой русского языка Петрозаводского государственного университета, лауреат Государственной премии Республики Дагестан в области естественных, общественных наук и техники за 2007 г., член Совета по русскому языку при Президенте (Правительстве) РФ (1996–2003), член Союза писателей России, председатель секции критики Союза писателей Карелии (1988–2002). Автор 25 монографий и около 300 статей по русскому языку, общему языкознанию, фольклору, русской литературе, литературной критике, в том числе по творчеству Д.Я.Гусарова, В.С.Маслова, В.Белова, В. Тендрякова, А.Платонова, С.Багрова, Р.Гамзатова, Д.Балашова, Б.Полякова. Ю.Галкина, В.Соловьева, И.Лысцова и др. Ряд работ по русской паремииологии и творчеству Н.С.Лескова, Р.Гамзатова переведен на французский и др. языки. В журнале «Север» печатается с 1971 г.

